

Философия. История философии

УДК 1(091)(470)

DOI: 10.28995/2073-6401-2022-4-12-29

Погружая мысль в благодарную память

Предисловие к публикации:

Ванеев А.А. Письма Учителю

Владимир И. Шаронов

Западный филиал Российской академии народного хозяйства

и государственной службы, Калининград, Россия,

sharonovi@gmail.com

Аннотация. Статья представляет собой предисловие к ранее неизвестному тексту А.А. Ванеева (1922–1985), ученика и последователя Л.П. Карсавина (1882–1952), автора книги «Два года в Абези», содержащей философский портрет русского религиозного философа. «Письма Учителю» стали одной из первых попыток Ванеева осмыслить и изложить идеи Льва Карсавина, усвоенные учеником в результате долгого общения со своим именитым собеседником. Уже этот ранний текст свидетельствует о философской чуткости и даре самостоятельной мысли Анатолия Ванеева, недавнего убежденного материалиста, воспитанника советской антирелигиозной системы образования.

Встреча с Карсавиным и погружение в его работы вывели Ванеева к собственным темам – выяснению положительного смысла атеизма и выявлению особенностей новой религиозности, скрыто впитавшей современный атеизм. Статья содержит краткий анализ значения идеи об эвристическом значении догматики как одного из наиболее существенных для понимания размышлений обоих мыслителей.

Ключевые слова: Карсавин, Ванеев, догматика, всеединство, религиозность, атеизм

Для цитирования: Шаронов В.И. Погружая мысль в благодарную память. Предисловие к публикации: Ванеев А.А. Письма Учителю // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 4. С. 12–29. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-4-12-29

Immersing the thought in a grateful memory

Preface to the publication: *Vaneev A.A. Letters to the Teacher*

Vladimir I. Sharonov

*Western branch of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration, Kaliningrad, Russia,
shaonovvi@gmail.com*

Abstract. The article is a preface to a previously unknown text by A.A. Vaneev (1922–1985), a disciple and follower of L.P. Karsavin (1882–1952), author of the book “Two Years in Abezi”, containing a philosophical portrait of the Russian religious philosopher. “Letters to the Teacher” became one of the first attempts of Vaneev to comprehend and present the ideas of Lev Karsavin, learned by the disciple as a result of long communication with his eminent interlocutor. Already that early text testifies to the philosophical sensitivity and gift of independent thought of Anatoly Vaneev, a recent convinced materialist, a pupil of the Soviet anti-religious education system.

The meeting with Karsavin and immersion in his works led Vaneev to his own topics – clarifying the positive meaning of atheism and identifying the features of a new religiosity that has latently absorbed modern atheism. The article briefly analyzes the meaning of the idea of the heuristic meaning of dogmatics, as something most essential for understanding the reflections of both thinkers.

Keywords: Karsavin, Vaneev, dogmatics, all-unity, religiosity, atheism

For citation: Sharonov, V.I. (2022), “Immersing the thought in a grateful memory. Preface to the publication: *Vaneev A.A. Letters to the Teacher*”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 12–29, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-4-12-29

В истории русской религиозной философии отношения Льва Платоновича Карсавина (1882–1952) и Анатолия Анатольевича Ванеева (1922–1985)¹ представляют собой пример уникальный не только по сочетанию многих внешних обстоятельств. Среди

¹ А.А. Ванеев, автор книги «Два года в Абези», представляющей собой философский портрет Л.П. Карсавина в обстоятельствах тюремного лагеря для осужденных, в том числе по политической 58-й статье Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. (в редакции 1926 г. и более поздних редакциях). Был арестован 19.03.1945 г., освобожден 20.10.1954. Находился в ссылке в г. Инта по 29.12.1955 г. Реабилитирован 05.08.1955 г.

прочего они показывают, как в человеке, обстоятельно обработанном сугубо материалистической, антирелигиозной системой образования и воспитания², способна отозваться действительно содержательная мысль и духовная собранность собеседника. Начавшись с почти случайного интереса Ванеева к разговору об историчности Христа³, это знакомство перешло в глубоко доверительные отношения между двумя людьми, разделенными, казалось бы, непреодолимой возрастной, интеллектуальной и культурной дистанцией.

Впрочем, если наличие «радикально материалистических» взглядов у Анатолия Ванеева⁴ несомненно, то указание на «случайность» ванеевского интереса ко всякой научной теме весьма условно. Сохранившиеся письма, отправленные Анатолием Ванеевым своей матери Фелицате Александровне (1898–1955) за десятилетие заключения и ссылки, содержат множественные сообщения о прочитанных книгах из самых разнообразных сфер философии, науки и искусства. Причем это книги преимущественно первого ряда, идет ли речь об учебниках по языкам, математической теории, астрономии, физике, химии, логике, наследию мировой художественной мысли, теории музыки и т. д.⁵ Как уверенно можно предположить, зачастую они были рекомендованы хорошо образованными товарищами по заключению.

Несмотря на то что еще при общении с Карсавиным в Абези Ванеев уже воспринимался как его ученик и человек, лучше других понимавший сложные религиозно-философские идеи и разъяснения мыслителя⁶, сам Анатолий Анатольевич признавался, что «при жизни старика вовсе не был столь, уж, под его влиянием»⁷. Об этом же можно судить и на основании самой книги «Два года в Абези»,

² Анатолий Ванеев к тому же формировался в атмосфере семейного почитания памяти о его родном деде: фигура легендарной для истории большевизма Анатолий Александрович Ванеев (1872–1899) был соратником В.И. Ленина по Петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса».

³ Ванеев А.А. Два года в Абези. Bruxelles: Жизнь с Богом; Paris: La presse libre, 1990. С. 19.

⁴ См., например письмо А.А. Ванеева к матери от 21.04.1946 г. – Личный архив А.А. Ванеева. Здесь и далее материалы личного архива А.А. Ванеева отмечены аббревиатурой, взятой в квадратные скобки – [ЛАВ].

⁵ В лагере А.А. Ванеев совершенствовал немецкий, освоил латынь, древнерусский, изучал иврит, французский язык и др.

⁶ Ванеев А.А. Два года в Абези. С. 59, 67 и др.

⁷ Письмо А.А. Ванеева к матери от 18.09.1954 г. – [ЛАВ].

в которой много место уделено другим известным заключенным – искусствоведам Н.Н. Пунину (1888–1953) и Ю.К. Герасимову (1923–2003), поэту С.З. Галкину (1897–1960), экс-ректору Руссикума SJ В.М. Яворке (1882–1966), академику М.А. Коростовцеву (1900–1980) и др. В публикуемых «Письмах Учителю»⁸, в своем мысленном обращении Анатолий Анатольевич также признается: «Пока ты был жив, уши мои внимали твоим словам, разум же не достигал вместить прекрасный их смысл».

Эти письма представляют собой второй опыт философского творчества самого Ванеева⁹, не только признающего своему «отцу по духу и брату» в искренней любви и безмерном почитании, но они же есть попытка кратко и самостоятельно осмыслить услышанное в беседах. Знакомый с трудами Карсавина читатель без особого труда опознает в публикуемых текстах стилистическую переключку с основными понятиями его философии – совершенстве-несовершенстве, жизни-чрез-смерть, умопреме, моменте, причастовании, двуединстве, Триединстве, всеединстве и т. д.

Впрочем, совпадая с идеями Карсавина стилистически, автор писем в своих некоторых умозаклчениях утверждает и нечто отличное. Но эти расхождения не должны смущать, так как во время написания текстов Ванеев находился еще в лагере и не имел возможности сверять услышанное с ранее изданными трудами. Он располагал только нескольким (поначалу даже не всеми) спасенными им самим лагерными рукописями, прежде всего «Венком сонетов», «Терцинами», Комментариями к этим стихам¹⁰. При всех частных несовпадениях письма представляют собой убедительное подтверждение слов самого Карсавина, сказанных о Ванееве как о человеке, «раненном истиной»¹¹.

⁸ Написаны в Абези в период с конца июля 1952 (после смерти Карсавина) по 20 октября 1954 г. (начало ссылки, прибытие в Инту). – Письмо А.А. Ванеева матери от 21.10.1954 г. – [ЛАВ].

⁹ Первым подобным текстом стала эпиграфия, зашитая в качестве опознавательного и, одновременно, символического знака в тело Льва Карсавина. В ней также используется обращение «Учитель» См.: *Ванеев А.А. Два года в Абези*. С. 184.

¹⁰ А.А. Ванеев был не единственным, кому Л.П. Карсавин передал части своих рукописных работ. В их спасении участвовали и другие заключенные – Владас Шимкунас, ленинградский врач-гомеопат М.И. Бубнов и др. Только постепенно, на протяжении большого периода Ванееву удалось собрать относительно полную библиотеку работ Карсавина и во всей полноте погрузиться в них.

¹¹ *Ванеев А.А. Два года в Абези*. С. 51.

После смерти своего учителя Анатолий Ванеев постоянно возвращался к идеям Карсавина, причем, как можно понять из его сообщений матери, размышления над ними не отпускали Анатолия Анатольевича не только днем, но и по ночам¹². Это погружение, свою сосредоточенность позже он определит как выработку собственной философской «идеологии», под которой он понимал «слова, которые способны своим смыслом переключить нас в тот регистр, где истина является в прямой несомненности»¹³. В начале 1970-х гг. Ванеев, по-прежнему опираясь на идеи Карсавина, заявил о своих собственных темах – задаче выяснения положительного смысла атеизма¹⁴ и об особенностях новой религиозности¹⁵, скрыто впитавшей атеизм.

Не имея возможности в небольшом предисловии подробно погружаться в анализ понимания А.А. Ванеевым карсавинской философии, самым кратким образом коснемся того, что на наш взгляд представляет собой один из самых специфических аспектов – места и роли догматики в работах учителя и ученика.

Идею об эвристическом значении догмы Анатолий Ванеев считал наиболее характерной и ценной в философии Льва Карсавина¹⁶. Изяществом своей простоты она способна очаровать современного философа культуры, пообещав открыть перспективы новых трактовок. Но она же способна отвести внимание от той тонкой грани, что разделяет непосредственную веру в Единого Бога и результат ее философского осмысления, представленный догматикой. Ванеева это приведет к вопросу о соотношении тра-

¹² В письме А.А. Ванеева к матери от 11.06.1954 г. он пишет, что, если мысли имеют «центр тяжести сознание и во сне ту же работу, а образы и сновидения продолжают и по-новому раскрывают “дневную” мысль». – [ЛАВ].

¹³ *Ванеев А.А.* Интервью, которое автор книги «Два года в Абези» дал корреспонденту журнала «Крисчен Уорлд Монитор» // Ванеев А.А. Два года в Абези. Bruxelles: Жизнь с Богом; Paris: La presse libre, 1990. С. 191.

¹⁴ Важно отметить, что главной темой книги «Два года в Абези» сам ее автор считал «выяснение отношений» между религией и атеизмом. См.: *Ванеев А.А.* Интервью... С. 190–194.

¹⁵ См.: *Ванеев А.А.* Под углом умопремены // Символ. Журнал христианской культуры при Славянской библиотеке в Париже. 1994. № 32. С. 249–253.

¹⁶ *Карсавин Л.П.* О личности // Религиозно-философские сочинения. Т. 1: Памятники религиозно-философской мысли. М.: Ренессанс, 1992. С. 62, 66; *Ванеев А.А.* Очерк жизни и идей Л.П. Карсавина // Ванеев А.А. Два года в Абези. С. 347–349.

диционной религиозности и религиозности, усвоившей атеизм. Эту устремленность к вопросу о том, что следует считать точкой отсчета для понимания и оценки традиционной веры – веру первых христиан, не знавших догматики, или религиозность до времен «консервации традиции», когда догматика превратилась в «неподвижную доктрину»¹⁷, можно расслышать в большинстве зрелых работ А.А. Ванеева, написанных в два последние десятилетия его жизни. Но ясно сформулировал эту проблему и приступил к ее решению уже после смерти Анатолия Анатольевича его главный друг и собеседник религиозный философ Константин Константинович Иванов. Он же пришел к убеждению о необходимости прояснения места, значения и смысла догматики для современного человека и даже дальнейшего ее развития¹⁸.

Конечно, и сам Л.П. Карсавин не проходил мимо темы непосредственной веры, не нуждающейся в догматике. Но все же его куда больше увлекало то, как разворачивается путь его личной мысли, как ткется панорама его собственной философской рефлексии, как он проявляет картину самопознания веры. В своем стремлении соединить идею всеединства с догматикой Лев Карсавин стремится подтвердить личные интуиции авторитетом Отцов и Учителей Церкви, мистиков, теологов и философов, феноменальная память и богатейшая эрудиция одного из лучших медиевистов это вполне ему обеспечивали. Но при всей тяге к древней традиции вкупе с провозглашенным им девизом: “Zurück zur christlichen Dogmatik”¹⁹ Карсавин остается мыслителем Нового времени. Почтительно склоняя голову перед авторитетом церковного вероучения, он всю жизнь сосредотачивался на самом главном лично для себя – изъяснении своих глубоко интимных отношений с Богом. В итоговом цикле стихов, призванных емко выразить самые главные идеи карсавинской философии, звучали и вовсе радикальные заявления: «Бог как я» и «Я как Бог»²⁰.

¹⁷ Ванеев А.А. Очерк жизни и идей Л.П. Карсавина. С. 347–348.

¹⁸ Упоминаем об этом как о возможной перспективной проекции размышлений А.А. Ванеева, не прервись они его ранним уходом из жизни. Диалоги и переписка с К.К. Ивановым свидетельствуют о поразительной близости их философской позиции и взглядов, общем створе идей.

¹⁹ «Назад к христианской догматике» (нем.). См.: Карсавин Л.П. *PERI ARΧΩΝ (Ideen zur christlichen Metaphysik)*. Humanitarinių mokslų fakulteto Raštai. V t I sąs. Memel, 1928. S. 4.

²⁰ Карсавин Л.П. «Венок сонетов» и «Терцины». Наиболее полная редакция // Христианское чтение. Научный журнал Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви. 2021. № 3. С. 132–151.

Лев Карсавин отдавал полный отчет в противоречивости своих взглядов. В одном из своих писем к SJ Г.А. Веттеру он писал, что хорошо понимает «неточности и неясность многих своих формулировок»²¹, «их односторонность (неизбежную во всякой индивидуальной конструкции)»²². По самоопределению Карсавина он не считал себя «вполне свободным от традиции»²³ и прямо признался молодому католическому теологу:

Знаю, что мои слова звучат богохульственно и, по видимости, посягают на основные догмы христианства. <...> Из бессознательной боязни слишком резких, по-видимому, слишком противоречащих догме, выражений я выражался слишком соглашательно²⁴.

Как видно, Карсавин оставался честным и духовно трезвым в оценке своих непростых отношений с догматикой и традицией, в осознании дистанции, разделяющей его и их. Но личная честность не отменяет многих проблем его философии, мимо которых легко можно пройти, увлекшись анализом хитросплетений его наукообразных умозаключений. С какого бы конца ни распутывать их затейливую паутину, нельзя забывать, что и для Карсавина, и для его последователя главное сосредотачивалось в личности Христа. Имея дело со сложностью карсавинской философии, Ванеев не забывал о призыве апостола не уклоняться от «простоты во Христе» (2Кор. 11:3), стремился емко и сжато извлекать из работ своего учителя самое главное. Это не означало отмену теоретической мысли, но лишь твердо и ясно указывало на главное в оценке работ Карсавина и самого Ванеева: теоретическая религиозная мысль, в том числе и догматика, призвана дополнять нашу веру, она открывает нам видение христианства взглядом со стороны²⁵, тем самым проясняя первичное, живое переживание Живого Бога и чудо дарованной Им любви.

Льву Карсавину это чудо религиозного мировосприятия открылось через любовь к земной женщине – «чистой, ясной, прекрасной и, вместе с тем, – мучительной, не осуществившейся, но неизмен-

²¹ Цит. по: *Гаврюшин Н.К.* Переписка А. Веттера с Л. Карсавиным // Символ. Журнал христианской культуры при Славянской Библиотеке в Париже. 1994. № 31. С. 104–169.

²² Там же. С. 148.

²³ Там же. С. 147.

²⁴ Там же. С. 153.

²⁵ Формулировки К.К. Иванова в его письмах к А.А. Ванееву [ЛАВ] и к автору настоящей статьи.

ной до порога старости»²⁶. И оно же стало главным источником его метафизики на всю жизнь. Для Анатолия Ванеева философские размышления тоже стали выражением любви, нашедшей свой выход в погружении мысли в благодарную память о своем Учителе. Ее сохранение, сыновью любовь он считал неопровержимым свидетельством его живого присутствия. Результатом этого духовного труда стали статьи и письма, в которых религиозно-философские идеи Карсавина очищены от всего второстепенного и выявлены в главном и ценном. Своей книгой «Два года в Абези», очерком о жизни и идеях Л.П. Карсавина Ванеев хотел донести до нас, что философское наследие его учителя – не некий музейный объект досужего интереса, что темы и вопросы, поднятые Карсавиным, выводят нас к границам нового осмысления личной веры, в центре которого находится задача выяснения положительного христианского смысла атеизма.

Публикация

Анатолий А. Ванеев

Письма Учителю²⁷

*Письмо первое*²⁸

Учитель! Светлый мир твоего разума открылся мне только так непозднимо поздно! Пока ты был жив, уши мои внимали твоим словам, разум же не достигал вместить прекрасный их смысл. И только вот теперь, когда смерть разлучила нас, когда тело твое пожерто²⁹ земле, когда тебя уже нельзя ни видеть, ни слышать, ни ощутить, – разве только душа некоторым образом чувствует твое присутствие, – теперь, читая твои рукописи, я разумею, постигаю, наполняюсь твоей мыслью, но поздно! поздно! Я не могу уже сказать тебе о своем восхищении тобою, не могу принести тебе мое благоговение; и раскаяние отягощает мне сердце оттого, что я недостаточно читал тебя, оттого, что возможность быть с тобою так бестолково разменивалась в пустом и ненужном проведении времени, но поздно!

²⁶ Ванеев А.А. Очерк жизни и идей Л.П. Карсавина. С. 345.

²⁷ Подготовка к публикации и комментарии В.И. Шаронова.

²⁸ Текст исполнен карандашом на одиночных и сдвоенных листах в ½ размера страницы школьной тетради в клеточку; написание букв, приближенным к характерному почерку Л.П. Карсавина и с элементами дореволюционной орфографии («І», «Ѣ» и «Ъ»). Авторская пунктуация и орфография сохранены.

²⁹ Пожерто – от др. русского «пожертѣ», «пожрети» – жертвовать, принести в жертву. «Да пожерто будет мертвенное животом» (2 Кор 5:4).

Поздно? В этом «поздно» есть что-то такое, что как-то прибавляется к моим чувствам, чего я не чувствую и чего внутри меня нет, но что как-то навязывается мне, – некий упрек, который я будто бы бросаю небу. Однако – плач есть в сердце моем, упрека же нет.

Во всем том, что совершилось, и в том порядке, в котором одно следует за другим, я смутно чувствую нечто неизмеримо превосходящее меня, нечто простирающееся безгранично, так, что моим полем зрения объемлется только что-то ничтожно малое и не главное.

И вместе с тем, совсем уже смутно, в себе я чувствую, даже и не чувствую, а как-то неопределимо, невыразимо ощущаю возможность так же вот простереться безгранично, превзойти всяческую свою ограниченность, но превзойти не телесно, а как-то иначе. Словно, как если бы помимо того, что я есть я в своем конкретном телесном виде, в конкретном месте и в конкретное время, я был бы растворен во всей той безмерной безграничности, как крупинка соли в океане.

А другая крупинка, растворенная в этом океане, это ты, учитель!

Письмо второе

Почти каждый день мне случается проходить тем местом, где, когда тебе позволяло здоровье, мы прогуливались, беседуя; здесь всякая мысль о тебе являет мне тебя: та способность, которую называют памятью, вдруг распространяет меня в прошлое, позволяет прошлому стать настоящим, являет его в моем сознании наряду с наполняющим его реальным чувственным настоящим.

Я иду вдоль длинного больничного барака, под ногами снег, смешанный с углем; целые насыпи угля тянутся вдоль рельсового пути. Люди ходят вдоль угля, другие лопатами равняют угольные насыпи; воздух морозный, чуть подкуренный запахом угольной гари; воздух этот прозрачен зрению и слуху, все шумы слышатся явственно: говор, шорох пересыпаемого угля, скрип снега. Дневной свет, слишком яркий, вынуждает щурить глаза. Это бытие, самым неопровержимым образом сущее, заполняет все мои чувства, оно до насыщения срастворено со мною, оно едино со мною как мое сознание.

Но полагаясь на этот яркий, громкий, телесно в пространстве существующим мир, здесь – со мною – присутствуешь ты. В точности такой, каким ты был в жизни, ты идешь в точности так, как я ранее видел тебя идущим здесь.

Иногда я бываю в том больничном помещении, куда раньше множество раз приходил к тебе. Не комната, не палата, а широкое и длинное помещение с низким, давящим потолком, подпертым столбами, плохо освещенными маленькими окнами, тесно заставленное деревянными в два яруса четырехместными нарами, на которых лежат, сидят, шевелятся под одеялами больные; воздух душный; все также, как и тогда, но люди теперь другие, лица их мне незнакомы и безразличны.

Раньше ты путеводно светил душе моей, и жалкая эта обстановка была только обрамлением встречи с тобой. Теперь только одна эта обстановка и осталась.

Но едва мысль коснулась тебя, как в проходе между рядом нар и стеною появляешься ты, именно так, как ты появлялся раньше навстречу мне: высокий, худой, пошатываясь на тонких ногах, на ходу натягивая поверх белья тюремный бушлат, лицо, истомленное болезнью, белая, редкая борода... Впрочем, я вижу тебя не зрительно, а как-то иначе, духовно, глаза мои видят только мелькающих незнакомых людей, лица чужие и безразличные.

Письмо третье

Итак, то, что в прошлом было во всей полноте жизни, ныне является мне тенью.

Эта тень подтверждает мою связь с тобою, никогда уже и ничем не уничтожимую соединенность с тобою.

Тот аспект сознания, который навсегда принадлежит прошлому, или само оно, прошлое, навсегда неизменно и тeneвидно пребывающее в моем сознании – являет твой образ в моем живом настоящем, но образ этот не больше, чем дымка, на мгновение застилающая взор, дымка драгоценная, но – только дымка!

Тебя живого, учителя и друга, отца по духу и брата – алчет моя душа. Но завеса плотная, непрозрачная уму разделяет нас.

Гамлету являлся его отец; соприкосновение с отцом, посмертно существующим, являло чувствам сына призрачный образ, тень прошлого. Отец и в смерти своей чрез³⁰ сына остался среди живых, вошел в течение их жизни – и естественный порядок отношений и событий, образуемый характерами и положением живых лиц, оказался – необъяснимым без участия призрака образом – взмученным, искривленным, поколебленным; предательски убитый Датский Король посмертно реализует свое право мести. Не так же ли рисуются нам эриннии греческой мифологии?

Прошлое, то, что однажды «свершилось», неотменяемо. Оно своею свершенностью тяготеет над нами, тени прошлого простираются в настоящее и в будущее, и нам не дано преступать их: в своей свободе мы свободны настолько, насколько наш прошлое оставило нас свободными. Притом, не только в смысле внешней ситуации, а, и главным образом, внутренне и духовно.

Конечно, дорогой мой, моя соединенность с тобою в прошлом предопределяет меня, живого, и ныне и до скончания дней моих, как

³⁰ Чрез – излюбленный предлог Л.П. Карсавина, подчеркивающий момент прерыва: «Жизнь-чрез-Смерть» и др. Такое написание перенял и А.А. Ванеев. Далее некоторые слова из лексики Карсавина при первом их употреблении отмечены нами знаком «*».

направление ружейного ствола предопределяет путь и место падения пули. Это не то, чтобы ты был моею несвободою, и я был не свободен, а как, если бы я, отдав свою свободу, взамен получил от твоей свободы, так что моя свобода, та, которою я, живой, обладаю в своей настоящей жизни, вместе с тем и не совсем моя, будучи моею – и твоя. Но этою твоею свободой я пред-оставлен самому себе. Эта же предоставленность самому себе и есть разлученность с тобою, смертью полагаемая непреходимая, разъединяющая нас преграда.

Но – мир тебе! Мир и вечный покой тебе и вечная память. Да не нарушу сокровенного. Мое устремление к тебе – не похоть духовидения, – мне просто недостает тебя.

Спиритический медиум в своем наведенном сне некоторым образом становится одержим вызываемым духом. В этом гипнотическом перевоплощении и в несытом любопытствовании присутствующих – есть мертвенность лунного света, преступание оградительной стыдливости естества.

Письмо четвертое

Ты претерпел смерть и теперь существуешь не как мы, а иначе. И даже помыслить не хочу тебя каким-либо трансфизическим образом входящим в наш мир.

Увижу ли тебя тогда, когда и я претерплю* смерть? Окажется ли тогда соединенность с тобою сильнейшей других, которые преступят завладеть мною? Когда силы иссякнут, и телу, едва живому, будет не в мочь сделать движение?

Когда, в трепете и страхе смертном, в каждой своей клеточке погибнет плоть и освободит меня в мир сонного безмолвия? Образ человеческий, во плоти сущий, физически локализованный в пространстве и конкретный во времени мало-по-малу исчезнет в неразличимости* вещества.

Что можно сказать о посмертном бытии, не впадая в фантазирование?

Мое сознающее себя личное бытие, «Я»³¹ – находит себя как существующее в мгновенном настоящем. Но и любой момент* прошлого «Я» я, будучи в настоящем, могу вернуть, восстановить, вспомнить – осознать «тот момент» как себя, или – себя, как «тот момент». Вся моя жизнь раскрывается как движение моего сознающего себя «Я» по своим моментам, с преимуществом полноты жизни и свободы в моменте настоящего.

Посмертно я буду весь только – прошлым, и ни одно мое мгновение не будет обладать преимуществом бытия в настоящем. Предстану ли я себе с некоторою ступень степенью свободы сознать, как себя, любой из своих моментов?

³¹ «Мое сознающее себя личное бытие» – характерное словосочетание в философских работах Л.П. Карсавина.

Исходя из представлений о загробной жизни, можно думать, что все мои моменты «сразу» предстанут мне, требуя, чтобы с одним из них невозвратно соединилось мое сознающее себя «Я».

Но в каждом своем моменте я увижу не только себя, но и всех, причастных* ему, некое единство* всех от века, в ком она имеет часть. Соединенность наша с некоторою бесплотною массою и в жизни имеет власть, насилующую нас, и мифологически представляется нам в образе демонов или духов. Таким образом, мои моменты приступят ко мне сильные силою своих единств и своею мерою, ибо повторялись. Мое сознающее себя «Я» будет предано одному из этих единств*, я осознаю его как себя, и себя как его; я – человек, по образу Божию сущий личным бытием, осознаю себя как момент* все-человека; личному бытию наследует посмертное бытие в качестве момента, живое восходящим движением меня-момента чрез все последовательно возрастающие личности вплоть до личности человека-мира, где тот предел, на котором суд, за которым Богобытие* воскресения.

Скорбь души и заупокойные молитвы наши как-то причаствуют* миру посмертного бытия, входят в течение его; разрыва между «здесь» и «там», в сущности, и нет.

Церковь имеет чин заупокойной службы: единообразный для всех, он единит тех, кто его исполняет, – не только внешним образом, но и духовно мы проходим тем же путем, которым многое множество раз проходили другие, в этом наша слиянность со всею церковью, поскольку же наша, постольку и наших усопших, о которых мы молимся.

Пространства «страны забвенней»³² населяют единства, с одним из коих человек посмертно оказывается совокуплен по суду дел своих. Единствам, являющим мрачный образ греха, «зракам бесовским» противостоят единства святых и праведных, «лик нерасходящийся», хоры, непрестанно поющие аллилуия, вернее – сущее аллилуия, само человеческое Я, осознавшее себя как аллилуия, как момент хвалы Богу среды других моментов всечеловека.

Единства эти, живые [как]³³ своим восхождением от низших личностей к высшим, так и причастием нашему бытию, образуют между собою живые отношения, положительны друг другу или отрицательны, и все они едины единством той высшей личности, моментом которой они являются. Эта жизнь их, продолжающая нашу жизнь в нашем восхождении, ощущается нами как ритм нашей духовной жизни, ритм непредугадываемый и заглушаемый интенсивностью нашего телесного бытия.

Но реальный образ метаэмпирического* (посмертного) бытия, конечно, непредставим: это мир других измерений, и мысль, погружающая себя в него, лишается живого своего наполнения, становится отвлеченною, и живые сочле[не]ния ее костенеют и в них слышится скрип логических шарниров.

Страницы без нумерации в том же комплекте записей³⁴

Сознание вины* есть не что другое, как опознание несовершенства*, неполноты несовершенного моего бытия и всякого моего действия; опознанный несовершенства превращает в «кару», поскольку несовершенен я, будучи свободен, более того, поскольку несовершенен потому, что свободен, как и постольку, поскольку несовершенен для того, что был свободен.

Опознание несовершенства, сознание вины, покаяние, умопремена* и есть мое свободное Богоприятие*, но Богоприемствуя*, я свободно полагаю себе свое несовершенство, ибо приемлю Бога, смилившего себя в «зрак рабий»*, чтобы я возник и обожился, действительность Своего Богобытия превратившего в действительность моей неполноты*. Богоприемствуя чрез сознание вины, я вместе с Богом несу свое несовершенное существование.

Действительность несовершенства для того и нужна, чтобы чрез опознание недостаточность Богоприятия была изжита мною: несовершенство бесконечно постольку, поскольку оно есть несовершенство всех моментов, опознавая же его, созная всяческую свою недостаточность как свою вину, т. е. себя как единственную причину своего несовершенства, я своё несовершенство опознаю как свой момент, особенный от всех других моих моментов тем, что именно чрез него я соединен с Богом.

В этом и есть качество тварности*, сохраняемое мной и в Богобытии* воскресения.

Будучи уверен, я тем и един с Богом, что, отрицаясь своего несовершенства, я – вместе с Богом – и оставляю его.

Я есть небытие Бога; но небытия – нет, и не может быть, чтобы небытие Бога явилось сущим. Поэтому я могу быть и есть только как воскрешающий Бога, как отрицающийся своего бытия, сущего ценою Его небытия.

Понятие мое, сознание мною вины – переживается мною и мыслится мною абсолютно, ибо безотносительно к возможности. Переживание

³² Ср. Пс. 87:11 (по церковно-славянскому переводу): «Еда познана будут во тьме чуда твоя, и правда твоя в земли забвенней?». Страна забвения – шеол (ивр. –*šēol*). В Ветхом Завете место пребывания всех умерших.

³³ Восстановленные пропуски в тексте писем здесь и далее взяты в квадратные скобки.

³⁴ В данной части Ванеев кратко воспроизводит основные положения трактовки Карсавиным категории двуединства (преимущественно по отношению к Богу и человеку). Заявляя эту тему в “*Noctes Petropolitanae*” (1922), Карсавин делает ее наравне с Троиединством основным элементом каркаса своей философии, и в таком качестве двуединство присутствует в его последующих работах.

мною вины, как и умопремены – ничем не мотивируется, ничем не нуждается.

Ведь в своем несовершенстве я виновен именно потому, что свободен, хотя и для того, чтобы был свободен.

Абстрактное же, не достигающее умопремены осмысление мною (недо-осознанное переживание) моей вины делает ее относительной, ставит ее в связь с нарушением некоего «морального закона», заповеди. Однако вина относительно закона есть вина условная. Мораль – существует лишь как начаток и прообраз ничем не обусловливаемого переживания и осознания вины, покаяния, умопремены. Вообще же говоря, если переживание вины мы и связываем с нарушением морального закона, то закон этот – не причина, а лишь рефлексия наших чувств.

Такое мифообразное изложение имеет, впрочем, твердое гносео-основание: я могу быть свободен, приемля Бога не иначе как дважды отрицаясь (ср. «Отрицание отрицания» Гегеля, в логике – выведение из двух неистинных посылок – не необходимо – истинного заключения)³⁵.

Смысл того, что гносео- и онто-моменты в Б[оге] суть одно, тот, что Триединство* Божие есть свое «сразу» как соравные, собезначальные О[тец], С[ын] и Д[ух], которые всегда есть, но это же Триединство раскрывает Себя как онтический* порядок (Гегелевская триада), как процесс.

Как Триединство в первом смысле – Бог один (и един), как Своя познанность*, сущая без-условно. Триединство как Свой онтический порядок есть Рождение чрез Смерть и Воскресение, в этом смысле Бог двуедин* как Богочеловек и единство Божие человек изрекает как многоединство.

Сказать о Боге, что Он – *status mobilis et motus stabiis*³⁶, что Он – всеединство*, что Он – Свое познание³⁷, мы потому и можем, что Он – Богочеловек.

Я – Его движение, Его смертность, Его множество*. Он – мой покой, мое бессмертие, мое единство («Яко Ты еси воскресение, Живот и Покой...

³⁵ Ср. у Карсавина о Гегеле: *Карсавин Л.П.* Комментарий к Венку сонетов и Терцинам // Ванеев А.А. Два года в Абези. В память о Л.П. Карсавине. Bruxelles: Жизнь с Богом; Paris: La presse libre, 1990. С. 300, 304.

³⁶ *...status mobilis et motus stabiis*. – «Стояние подвижное и движение неподвижное» (лат.) – слова из трактата Иоанна Скота Эриугены «О разделении природы» (I, 12), представляющие собой, в свою очередь, парафраз из Псевдо-Дионисия Ареопагита («О божественных именах», IX, 9).

³⁷ Мысль Мейстера Экхарта, на которую Л.П. Карсавин ссылаясь в своих философских беседах в Абези: «...мейстер Экхарт постигает, что тройственно-единое бытие Бога есть Его самопознание». См.: *Ванеев А.А.* Два года в Абези // Ванеев А.А. Два года в Абези. В память о Л.П. Карсавине. С. 23; ср. также: *Карсавин Л.П.* Краткий комментарий // Там же. С. 329.

усопшим рабом Твоим, Христе, Боже наш»³⁸). Но я в Нем, но Он во мне живет, и Он живет мною, как я Им. Но Он, чтобы быть Самим Собою, не нуждается во мне; меня же самого по себе просто нет.

Однако, мысля Бога, его часто мыслят безотносительно к человеку, что выражает себя в «стабилизации» Богобытия, этим совершают ошибку: если бы Бог не явил Себя Творцом*, если бы меня не было, то не было бы, по-видимому, в Боге и того, что мы называем онтическим порядком, и что было бы, мы того знать не можем. Нельзя мыслить Бога безотносительно к Человеку, т. е. не как Двуетинство* Творца-Твари*, ибо такого Бога нет. Того же, чего нет, невозможно мыслить.

Мысля Бога (будто бы) Самого по Себе, на самом деле не Самого по Себе Его мыслят (что невозможно), а от двуетинства отвлекают одну сторону, полагая, что мыслят Единого*, на самом деле мыслят половину Двуетинства.

Поскольку же Бог есть Богочеловек, постольку всё, что есть в Боге, дано и человеку, более того, являемо в человеке; а если бы было в Нём нечто утаенное, безусловно недоступное, то человек не мог стать Сыном Божиим, и человека не было бы. И если человек мыслит Божество, то мыслит всегда именно Богочеловека, ибо человек мыслит, ибо такова природа познания. И лишь превосходя, превышая самое возможность познания, дерзаем мы говорить, что Бог Сам в Себе всегда есть как Триединство, как Своя целость, как Своя познанность.

Различие с тождеством всецело примири³⁹,
Ты всемогущ. Но самый миг Рожденья,
Блаженство полноты Себе не сохранив,
Ты смертию Своей в миг обратил творенья.

И беспредельность сникла в нуль.
И Свет сменился тьмой.
Движенье трепетало на исходе.
И в первозданной тьме Ты становился мной,
Себя, всецелаго, моей предав свободе.

х

Объемлет ночь меня.
свою был полон ожидания
чтоб просила плоть прозрачностью ума (?)
И вот рубеж. Объемлет ночь сознание
А света нет, и только гуще тьма.

³⁸ Последование панихиды.

³⁹ Попытка Ванеева подражать стихам Карсавина, дополнить их.

Казалось, близость таинства исторгнет
В глуби глубин невыразимый стон
И в этой тьме плыву куда-то я – безвольно.
О, Господи!

Мы почти никогда не поднимаемся до космического мышления или мироощущения. К-н исходя из абсолютного всеединства, помнит, что земля – песчинка среди миров. Платон же мыслит поистине космически. Для него «Я» всегда является и мирозданием.

В познании нашем все многообразие вопросов, обращаемых нами к познаваемому, по существу, сводится к трем основным: как, почему и зачем. Первые два имеют родственный смысл и противостоят третьему; вернее, мы спрашиваем либо, как и почему? либо, как и зачем? Правомерность постановки последнего вопроса отрицается позитивной и эмпирической точкой зрения, как негативной отрицается правомерность любого из этих вопросов. Но позитивная философия, отвергая «зачем», тем самым в скрытой форме содержит негативизм, т. е. и вообще отрицание возможности разумного познания.

В отрицании «зачем» содержится отрицание вообще разумности, ибо только о том, что лишено смысла, нельзя спросить «зачем», ибо такой вопрос равносителен вопросу о разумности бессмысленного.

О том же, что разумно, всегда можно спросить «зачем?», ибо это вопрос о разумности разумного. В отказе от «зачем» заключается таким образом скрытое убеждение в бессмысленности познаваемого и, в конце концов, в непознаваемости мира, равно как, спрашивая зачем, я подразумеваю возможность осмысления того, что мною познается. Предполагая же невозможность осмысления, я само познание свожу на нет, ибо познание может искать только осмысления, даже если имеется в виду только относительное осмысление, то относительность его берется относительно именно какого-то разумного основания, чем бы оно ни было.

Простой пример: если я сделал нечто бессмысленное, то заведомо не могу сказать, зачем я это сделал, хотя отлично могу сказать, как сделал и, может быть, могу сослаться на некое ближайшее «почему». Если же действие разумно – оно всегда предполагает некоторое «зачем». И в этом случае «почему» оказывается обращенным лишь на «как»⁴⁰.

Благодарности

Выражаю благодарность религиозному философу Константину Иванову (г. Санкт-Петербург), другу и главному собеседнику Анатолия

⁴⁰ Конец рукописного фрагмента.

Ванеева. Наши многолетние теоретические диалоги и переписка помогли мне лучше понять и оценить идеи Л.П. Карсавина и А.А. Ванеева.

Выражаю признательность Елене и Льву Ванеевым за разрешение свободно использовать документы личного архива А.А. Ванеева.

Благодарю известного переводчика Петра Епифанова за ценные советы, данные при подготовке рукописи А.А. Ванеева.

Acknowledgements

I express my gratitude to the religious philosopher Konstantin Ivanov (St. Petersburg), a friend and main interlocutor of Anatoly Vaneev. Our long-term theoretical dialogues and correspondence helped me to better understand and appreciate the ideas of L.P. Karsavin and A.A. Vaneev.

I express my gratitude to Elena and Lev Vaneev for the permission to freely use the documents of A.A. Vaneev's personal archive.

I thank the famous translator Pyotr Epifanov for the valuable advice given during the preparation of the manuscript by A.A. Vaneev.

Источники

Ванеев А.А. Личный архив. (В настоящее время передан в Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга и проходит процедуру оформления в фонды и описания документов.)

Ванеев А.А. Два года в Абези // Ванеев А.А. Два года в Абези. В память о Л.П. Карсавине. Bruxelles: Жизнь с Богом; Paris: La presse libre, 1990. С. 299–327.

Ванеев А.А. Интервью, которое автор книги «Два года в Абези» дал корреспонденту журнала «Крисчен Уорлд Монитор» // Ванеев А.А. Два года в Абези. В память о Л.П. Карсавине. Bruxelles: Жизнь с Богом; Paris: La presse libre, 1990. С. 190–194.

Ванеев А.А. Очерк жизни и идей Л.П. Карсавина // Ванеев А.А. Два года в Абези. Bruxelles: Жизнь с Богом; Paris: La presselibre, 1990. С. 337–366.

Ванеев А.А. Под углом умопремены // Символ. Журнал христианской культуры при Славянской библиотеке в Париже. 1994. № 32. Париж. С. 249–253.

Карсавин Л.П. «Венок сонетов» и «Терцины». Наиболее полная редакция // Христианское чтение. Научный журнал Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви. 2021. № 3. С. 132–151.

Карсавин Л.П. Комментарий к Венку сонетов и Терциям // Ванеев А.А. Два года в Абези. В память о Л.П. Карсавине. Bruxelles: Жизнь с Богом; Paris: La presse libre, 1990. С. 299–327.

Карсавин Л.П. Краткий комментарий // Ванеев А.А. Два года в Абези. В память о Л.П. Карсавине. Bruxelles: Жизнь с Богом; Paris: La presse libre, 1990. С. 328–332.

Karsavin L.P. ПЕРИ АРΧΩΝ. (Ideen zur christlichen Metaphysik). Memel, 1928. S. 58.

Информация об авторе

Владимир И. Шаронов, кандидат педагогических наук, Западный филиал Российской академии государственной службы, Калининград, Россия; 236016, Россия; Калининград, ул. Артиллерийская, д. 62; sharonovvi@gmail.com

Information about the author

Vladimir I. Sharonov, Cand. of Sci. (Pedagogy), Western branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Kaliningrad, Russia; bld. 62, Artilleriiskaya Street, Kaliningrad, Russia, 236016; sharonovvi@gmail.com